

DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.004

УС-БИРÆГЪ И ОХОТА НА ВЕДЬМ, ИЛИ ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ОСЕТИНСКОЙ ЛЕГЕНДОЙ И ФЕНОМЕНОМ ЕВРОПЕЙСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Руслана Рустановна Легоева, студент, исторический факультет, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0009-0000-9359-9160>; legruslana@gmail.com

Статья посвящена исследованию осетинского фольклора об ус-бирæгъ (ведьмах, ассоциируемых с волчицами) и его связи с охотой на ведьм как феноменом европейского Возрождения. Анализируются причины появления и развития феномена «охоты на ведьм» через средневековые исторические источники, процессы и психологию. Рассмотрен феномен аутодафе через средневековую литературу и Библию, а также случаи применения похожих методов казни до инквизиционных процессов. Первый случай сожжения ус-бирæгъ на территории Северной и Южной Осетии зафиксирован Д.В. Сокаевой. В ходе собственных полевых исследований был выявлен случай убийства с использованием огнестрельного оружия женщины-волчицы в с. Кора-Урсдон. Был проанализирован образ волка в различных религиозных традициях (зороастризм, христианство, скандинавское язычество), и высказано предположение о синтезе аланской культуры в ходе исторического взаимодействия с представителями этих религий в разных регионах Европы. Высказываются предположения о зороастрийском следе в сюжете легенды о девочке-чародейке (записанной Дж. Шанаевым в 1869 г.), которую пытались сжечь с использованием колючек. В ходе исследования выясняется, что с образом волка, бытовавшим в культуре германских племен, аланы познакомились в эпоху Великого переселения народов. Вводится в научный оборот мысль о том, что об инквизиции аланы узнали через ясов, которые жили в Венгрии в период правления Габсбургов, на который приходится высокая активность антиведовских процессов. Предпринятое исследование способствует раскрытию новых аспектов взаимодействия аланов с западноевропейской культурой.

Ключевые слова: ус-бирæгъ, охота на ведьм, «Молот ведьм», Возрождение, аланы.

Для цитирования: Легоева Р.Р. Ус-бирæгъ и охота на ведьм, или что общего между осетинской легендой и феноменом европейского Возрождения // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 18(25). С. 66-77. DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.004

Введение

Ведовство – неотъемлемая часть средневековой европейской культуры. Люди верили в то, что существуют женщины и мужчины, обладающие магической способностью совершать действия, которые могут причинить вред окружающим: вызвать смерть или болезнь, нанести ущерб посевам, скоту и имуществу. Уникальный феномен, который традиционно называют «охотой на ведьм», без преувеличения можно назвать одним из наиболее ярких и спорных явлений раннего Нового времени. По справедливому замечанию А.Я. Гуревича, «...необходимо признать, что историками не предложено удовлетворительного объяснения этого глубокого и длительного социально-религиозного и психологического кризиса, который имел место преимущественно в эпоху Возрождения» [1, 31].

Тем не менее, есть основания полагать, что в осетинском традиционном обществе имело место подобное явление (ведьма, охота на нее и аутодафе). Фольклорные источники указывают на два подобных случая. Откуда в Осетии, столь далекой, казалось бы, от ренессансной Европы, мог возникнуть этот феномен, где совпадает все, даже зооморфный символ ведьмы – волчица? Попытка ответить на этот вопрос – цель настоящего исследования.

Основная часть

Вопреки представлениям обывателей, охота на ведьм – не столько средневековое явление, сколько феномен Ренессанса и Реформации, переломного периода, сопровождавшегося социальными катаклизмами, крайне болезненно воспринимавшимися обществом. Люди еще не умели понять причин происходивших общественных изменений, поэтому искали им понятное объяснение – то, что происходит суть зло, а кого винить в нем, как не его прародителя? И кто виноват в распространении зла, как не его приспешники – ведьмы и (реже) колдуны, еретики и иудеи? В XIII в. отношение теологов к вере в ведьм переживает решительный перелом. Теперь духовенство признает реальность ведьм, приписывая им способность творить злые дела и колдовство (*maleficia*). Эти деяния производятся ведьмами, согласно учению церкви, не их собственными силами, но в результате их союза с дьяволом.

Народная вера в существование ведьм, получившая отныне поддержку церкви, соединилась с демонологическим учением богословов, и в результате этого симбиоза возникла та мрачная идеология, которая в конце Средневековья послужила обоснованием широких и длительных преследований т. н. ведьм. Они достигают, таким образом, наибольшего размаха в XVI–XVII вв. Именно в этот период в теологическом учении, проповеди и

в общественном сознании возрастает роль дьявола; это время отмечено резким усилением всяческих коллективных фобий, в частности страха перед концом света, приходом Антихриста и Страшным судом.

Обвинения женщин в колдовстве и в сношениях с дьяволом во многом повторяли те обвинения, которые в предшествующий период предъявлялись приверженцам еретических сект. Но если число сектантов и евреев было ограничено, то обвинения в колдовстве могли быть предъявлены кому угодно. Отправляя на костер ведьм, коллективы христиан как бы освобождались на время от психологической напряженности. Сожжения ведьм происходили на городской площади при большом стечении народа, после чего для судей и других участников расправы устраивался торжественный пир.

Гонения против ведьм, начавшись в альпийских районах, затем охватили значительную часть Европы. Источником преследования ведьм нередко были обвинения соседей, якобы пострадавших от злокозненных действий женщин, подозреваемых в колдовстве. Среди многочисленных работ в мировой историографии о причинах и последствиях деятельности инквизиции стоит вспомнить наиболее основательные, которые актуальны для настоящего исследования.

Колдовство и магические практики смущали человеческое воображение еще с давних времен, побуждали изображать невероятные образы темной части человеческой души. Еще в эпоху Средневековья духовенство пыталось ответить на вопрос, кем были на самом деле те многочисленные жертвы костров инквизиции.

Жрецы, колдуны и знахари, астрологи и звездочеты, бабы-повитухи, экзальтированные жертвы тотального неистовства гонений за сверхъестественным, случайные жертвы слишком бдительных соседей, одержимые и душевнобольные, еретики, народные целители, крестьяне, вольнодумцы или же обычные люди, которые случайно попали в руки инквизиции – каждый имел шанс быть обвиненным в колдовстве и еретизме.

Кульминацией европейского процесса против ведьм стал документ «Молот ведьм» («*Malleus maleficarum*», 1487).

Текст принадлежит перу инквизиторов-практиков, непосредственно участвовавших в судебных делах о ведовстве. Распространенный во всей Европе этот документ был прямым руководством для инквизиторов, следователей подозреваемых и судебных исполнителей. Авторы «Молота ведьм» полемизируют с так называемым «Епископским канонем» Грациана (Canon Episcopi), о происхождении которого историки спорят до сих пор, однако именно этот документ сыграл немалую роль в ведьмовских процессах Старой Европы.

Более рассудительный Епископский канон исключает возможность ночных полетов ведьм, любые чары и превращения людей в предметы, зверей и т. п. – в общем, вторая часть канона имеет довольно сдержанный тон в обрисовке явления ведовства, который не поддерживает настроения авторов «Молота» [2, 72].

«Молот ведьм» разделяет ведьм на три категории: 1) те, которые вредят, но не могут вылечить; 2) те, которые лечат и имеют договоренность с демоном и не будут делать вреда; 3) те, которые могут вредить и лечить (однако среди первого вида выделены еще ведьмы, которые могут выполнять любые действия полностью, если другим ведьмам доступно лишь частичное выполнение каких-либо действий, они же наделены способностью «в особый способ есть детей») [2, 194].

Подробно описывается способ, с помощью которого ведьма забирает у коровы молоко. Однако авторы призывают священников не бояться сообщать людям в проповедях о подобных действиях, а также побуждают пастырей уверять женщин, что отбирать у коров молоко могут только ведьмы с помощью чертей [2, 261].

Поэтому инквизиторы, следователи по делам ереси и судебные исполнители имели подробное руководство в случае выявления или подозрения факта волшебства.

Интересно, что авторы документа интерпретируют и человека, и ангела как таковых, которые имеют собственную волю, поэтому могут грешить – они способны по собственному желанию отдаляться от Бога, но все же не могут обрести безгрешного совершенства [2, 156].

В такой способ трактат объясняет греховное восстание и падение ангелов. Ведьмы, согласно «Молоту», относятся к категории апостатов, ведь их апостазия заключается в отказе от Бога и отрицании религиозных догм [2, 163].

В документе также приведены категории людей, которые не поддаются чарам: те, что выполняют обязанности суда над ведьмами, кто проводит охраняющие действия с помощью святой воды и соли и тому подобное, а также те, кто имеет покровительство ангелов [2, 179].

Следует добавить, что в процессе конструирования образа ведьмы, гендерный фактор играл немалую роль, ведь «Молот ведьм» имеет откровенно антифеминистический характер, поскольку трактует женщину как наиболее вредное и склонное к греху существо: «вышеуказанные ужасающие преступления женщин еще раз доказывают, что женщины значительно больше, чем мужчины, склонны к заговорам и взаимодействию с дьяволом» [2, 150].

Например, даже повитухи неоднократно страдали от тисков инквизи-

ции, ведь, согласно трактату, они убивают младенцев или осуществляют с новорожденными ритуальные действия (баба-повитуха выносит ребенка из комнаты и, поднимая вверх, посвящает ее демонам) [2, 151].

В то же время мужское волшебство в «Молоте ведьм» описано как менее распространенное явление и в целом ассоциируется с манипуляциями с оружием [2, 266]. Поэтому можно отметить, что деятельность инквизиции была в значительной степени гендерно детерминирована и направлена на репрессии женской сферы.

Ж. Мишле реконструировал образ женщины, которая балансировала между культом Девы и изгнанницы, величие и злоба ее бросили к ногам Сатаны, который положил ей в руки плод знания природы [3, 70].

Нововведенная категория чистилища дала возможность раздувать страх мирян перед смертью, который предстал еще одним призраком Средневековья.

Различные элементы демонического присутствовали в воображении человечества еще с давних времен, однако лишь в конце XII – начале XIII в. благодаря книжной культуре они заняли устойчивую позицию в сфере воображаемого мышления и религиозных практиках, из которых развился ужасный образ, который пугал человечество к концу Средневековья, однако не демон «правил балом, а люди, которые создали его образ» [4, 25].

Под видом определения и борьбы с дьяволом и государство, и институт Церкви, выстраивая мир вокруг фигуры Бога, направляли действия не столько на преодоление демонического призрака, как напоминали экспансию и духовной, и телесной сферы человечества. Человеческое тело становится тем полем битвы, где происходит поединок Добра и Зла [4, 67].

Человека Средневековья заставляли жить в страхе и в чувстве вины за грязь и греховность собственного тела, преодолевать в себе признаки животного, инстинкты становятся преградой на пути к спасению души. В 1431–1449 гг. состоялся Базельский собор, принявший декреты, ставившие институт соборов выше папской власти, внес раскол в церковные ряды – на фоне громких споров вокруг папской власти происходили менее громкие, но не менее важные изменения в сфере догматики, которые переориентировали страх перед реальными ересями на страх перед мнимым навязчивым архетипом ведьмы, одержимой дьяволом [4, 79]. Интересно, что реформаторы также вполне приняли взгляд на демонологию Католической Церкви.

Г. Мюшмбле прослеживает, как с XVII в. под влиянием рационализма образ дьявола начинает тускнеть, в эпоху Романтизма он предстает меланхоличным и пессимистичным мистиком, который сомневается и испытывает разочарование – такой дьявол уже не вызывает страха. Постепен-

но, но уверенно образ дьявола терял свои позиции, однако различные элементы мифологического мышления и суеверий перешли в культуру и художественное творчество Нового времени.

Таковы общие черты феномена охоты на ведьм, который мы не встречаем больше нигде, кроме как в Старой Европе, и который вполне можно считать частью европейской позднесредневековой традиции.

Тем не менее, есть основания полагать, что и в осетинской этнической традиции также имело место преследование женщин по обвинению в ведовстве, имевшее для них крайне неблагоприятные последствия.

Д.В. Сокаева со ссылкой на данные собственных полевых исследований говорит о факте сожжения неких ведьм в Дигорском ущелье. По ее словам, данное предание ранее не было зафиксировано на территории Северной и Южной Осетии [5, 204]. Предположительно, описанный случай можно обосновать социальным напряжением внутри дигорского общества того времени, которое сублимировалось в аутодафе.

В той же статье Д.В. Сокаева выделяет два разных сюжета об *ус-бирæгъ*: в первом сюжете у нее крадут одежду, во втором – ранят острым предметом [5, 201]. Второй вариант нам представляется любопытным, потому что находит неожиданное подтверждение. Конечно, можно было бы предположить, что данный факт – часть легенды и не имеет никакого отношения к действительности, однако ведь и данные предания мы также игнорировать не можем, поскольку на пустом месте они появиться не могли. Тем более что в ходе работы над проблемой нами были произведены собственные полевые исследования, позволившие зафиксировать еще один случай убийства *ус-бирæгъ*. Информатор – житель села Кора-Урсдон Р. Кудзоев – поделился сохранившейся устной семейной легендой, повествующей о событиях, произошедших, по его словам, «более двух веков назад». В с. Кора-Урсдон начал пропадать скот, а затем и дети. Мужчины села решили ночью выследить причину бедствий, поэтому караулили местность. Один мужчина увидел странный силуэт животного, оно побежало к мельнице и скрылось там. Он погнался за ним, выстрелил в него из ружья, а мертвое тело оказалось женским¹.

Нет информации, знали ли они о том, что это была ведьма, но, учитывая раннее описанный случай, маловероятно, что они не подозревали одну из женщин в своих бедах. Хочется обратить внимание и на то, что в качестве орудия убийства был применен не ритуальный острый предмет, а нацеленное на смерть огнестрельное оружие. Есть основания полагать, что это одна и та же легенда, но рассказанная разными людьми.

Возвращаясь к факту аутодафе, упомянем случай, приведенный А.А. Туаллаговым со ссылкой на «Сказку» Нигера (И.В. Джанаев), «... о том, как

сожгли k'ulbadæg us» [6, 214-215] в колючках. А.А. Туаллагов, анализируя этот эпизод, где родственники не могли убить девочку-чародейку, приходит к выводу о том, что колючие предметы, которые служили оберегом от злых сил, являются элементами культа Ареса. Однако, если предположить здесь влияние зороастризма, то острые предметы являются там частью ритуала очищения и оберегом. Например, это показано в «подготовке мест для очищения», где их клали возле ям или прикрепляли ковш к палке с девятью сучьями [7, 178]. В осетинской традиции до сих пор присутствует элемент оберега через острые предметы, зачастую железные, а с железом можно ассоциировать культ огня в зороастризме. С другой стороны, мы знаем, что зороастрийцы, считая огонь священным, оберегали его от соприкосновения с нечистью, которой ведьмы, несомненно, могли считаться. Поэтому мы вряд ли можем объяснять данный эпизод сугубо зороастрийской традицией. Речь лишь идет о возможных зороастрийских культурных реминисценциях, утративших строго канонический смысл, но сохранившихся в форме отголосков в народной традиции.

Таким образом, мы, с одной стороны, обнаруживаем упоминание факта аутодафе над ведьмами в осетинской традиции как минимум в двух источниках: в данных информатора и в фольклорной сказке. С другой – имеем дело с нетипичным для европейской традиции использованием в этих целях колючек.

Традиция аутодафе, ассоциируемая с христианством, основывается на текстах Нового завета, в частности, послании апостола Павла Коринфянам: «Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня» (1 Кор. 3:13-15). Или: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7:15). Или же: «Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит проходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец, и разгоняет их» (Ин. 10:11, 12). Волки – «хищные» (Быт. 49:27; Мф. 7:15.) и «лютые» (Деян. 20:29). Они похищают (Иез. 22:27) свою добычу, особенно беспомощных овец (Мф. 10:16; Лк. 10:3; Ин. 10:12; Деян. 20:29). Скрываются при свете дня и начинают охоту вечером (Авв. 1:8; Соф. 3:3). Прослеживается очевидная неприязнь к данному животному, потому что оно вредит скоту. Волк – дьявол, овцы же – верующие, а Агнец Божий – Иисус Христос.

Однако акты аутодафе встречаются ранее и даже не в Европе. Например, в законах Хаммурапи указано несколько преступлений, в которых до-

пускалась казнь через сожжение. Грабителей горящих домов можно было бросить в этот же горящий дом, а жриц, покинувших храмы и начавших посещать постоянные дворы и таверны, также могли наказать сожжением заживо [8, 5]. Тем не менее, того значения, которое было придано аутодафе в христианской традиции, мы не встречаем больше нигде.

Но существует еще одна важная черта, присутствие которой также роднит данный удивительный случай с европейской традицией, связанной с гонениями на ведьм – это образ волка, вернее, волчицы, с которым ведьм ассоциировали на средневековом Западе и, как мы видим, у осетин. Это отразилось даже в названии феномена: *Бирæгъ* – волк, *ус-бирæгъ* – ведьма. Зооморфные символы на протяжении всей истории занимали человека, однако с появлением монотеистических религий животная символика никуда не делась. В христианской традиции с образом волчиц стали ассоциировать ведьм как приспешниц дьявола.

Д.В. Сокаева отмечает ряд признаков, по которым можно было идентифицировать ведьму в осетинском обществе: «пропадала на неделю; зарезала петуха соседки в туалете; у нее смеющийся взгляд; хитрая колдунья; к знахарям обращалась, приносила порчу; приучила к спиртному другую женщину; лицо в шрамах; крала то отсюда, то оттуда; внешность чем-то отличалась; что-то в белой одежде; дети счастливее других» [5, 208-222]. Это, конечно, не «Молот ведьм», но аналогия вполне очевидна.

Помимо христианской традиции ассоциирования волка с дьяволом, существует еще зороастрийская, которая также могла повлиять на складывание этого феномена осетинской культуры. Волки предстают там вредными животными, которых проклинает Заратуштра, так как они были созданы Анхра-Майнью – олицетворением зла [9, 1142–1143]. В зороастризме скоту отводится важная роль. Волки, как вредители стад, являются олицетворением зла.

Облик женщины-волчицы, то есть оборотня, был популярен и в годы активности средневековой инквизиции в Западной Европе. Так, в «Молоте ведьм» указано, что ведьмы могут превращаться в волков; отмечено, что это действительное обращение, а не иллюзия [2, 11]. В книге есть целая глава, посвященная волкам. Волки похищают взрослых людей и мальчиков, это происходит как естественным образом, так и с помощью наваждения через посредство ведьм [2, 14].

В германской традиции волк тоже занимает особое значение. Фенрир – эсхатологический демон, с которым связан конец света. Из-за этого его заточают в цепи, а после освобождения он начинает мстить асам [10, 219]. Волк изначально выступает в роли врага, которого надо победить [10, 219]. Волк и используется в качестве обозначения предателя в социуме, то

есть получается, что этот зооморфный образ выражает человека, который не вписывается в общество, среди которого живет или является представителем другой группы, считающейся опасной [10, 219]. Можно отчетливо проследить связь с *ус-бирæгъ* и средневековыми ведьмами, которые воспринимались в обществе в таком же ключе.

Аланы как предки осетин могли столкнуться с германской мифологией в эпоху Великого переселения народов, ведь они являлись единственными негерманцами, основавшими значительные поселения на территории Западной Европы [11, 2], где они могли тесно контактировать с германскими племенами. Например, в союзе с вандалами было основано *Regnum Vandalorum et Alanorum*. Именно поэтому нельзя исключать возможность проникновения одной культуры в другую.

Но где аланы могли столкнуться с аутодафе, которое принято считать более поздним явлением, чем алано-германские контакты раннего Средневековья? Можно предположить следующую связь: часть аланов переселилась в результате татаро-монгольского нашествия XIII в. [12, 17] в Венгрию. В конце XIV в. Венгрия противостояла туркам. Ясшаг (область Венгрии) стал ареной борьбы с турками. Ясшаг был разорен, население стало концентрироваться в Ясберени [12, 28]. Беженцы из Ясшага расселяются среди хайду в северо-восточной Венгрии и в крепости Фюлек [12, 28]. Источники доводят до нас факт присутствия ясов (аланов) под своим знаменем на коронации Матьяша II в 1608 г., который происходил из династии Габсбургов [12, 29]. Таким образом, уже с XVI в. Венгрия, где проживали ясы, была под властью Габсбургов, они же были императорами Священной Римской империи, где в эти же годы проходили инквизиционные процессы. Были ли контакты в это время между горными аланами и венгерскими аланами выяснить в ходе настоящего исследования не удалось. Тем не менее, важно подчеркнуть, что проблема алано-венгерских контактов еще ждет своего изучения.

Заключение

Подведем некоторые итоги:

Во-первых, «охота на ведьм» – уникальное явление европейского Средневековья, приобретшее максимальный размах в эпоху Возрождения, что было связано с невиданными прежде социальными катаклизмами, причины которых люди искали в происках дьявола, действовавшего через своих приспешниц – ведьм. Нигде, кроме Европы обозначенного периода, данный феномен в целом комплексе аспектов (социальное зло, поиск причин, преследование, выявление, доказывание и аутодафе) не существовал.

Во-вторых, в устном фольклоре осетин сохранились предания о ведьмах-волчицах и последующем сжигании их на костре. Кроме того, ассоциирование их с волками также отсылает нас к европейской традиции, поскольку и там ведьм ассоциировали с волками.

В-третьих, в осетинском предании фигурируют колючки, в которых сжигают чародейку. Колючки могут быть объяснены как пережиток культа Ареса или реминисценция зороастризма, в котором колючки (эфедра) служат оберегом от сил зла.

В-четвертых, анализируемое сходство может быть объяснено алано-германскими и алано-венгерскими культурными контактами.

Примечание:

1. Данные информатора Р. Кудзоева публикуются впервые.

1. *Гуревич А.Я.* Средневековье как тип культуры // Антропология культуры. Вып. 1. М.: ОГИ, 2002. С. 39–55.

2. *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм. М.: Просвет, 1992. 384 с.

3. *Мишле Ж.* Ведьма / под ред. В. Фриче, пер. с франц. Киев: Украина, 1994. 271 с.

4. *Мюшембле Р.* Очерки по истории дьявола: XII–XX вв. / пер. с франц. Е.В. Морозовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 584 с.

5. *Сокаева Д.В.* Образ женщины-волчицы (ус-бирæгъ) осетинской не- сказочной прозы в контексте фольклора индоевропейских народов // Известия СОИГСИ. 2007. Вып. 1(40). С. 201–222.

6. *Туаллагов А.А.* Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ: Ир, 2011. 271 с.

7. *Авеста* / адаптированный перевод, исследование и комментарии Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидова, Е.В. Абдуллаева. СПб: Издательство Политехнического университета, 2008. 303 с.

8. *Mitchel P. Roth.* Crime and Punishment: A History of the Criminal Justice System. 2nd edition. Belmont: Wadsworth Publishing, 448 с.

9. *Мамедов А.А., Оришев А.Б., Шиповская Л.П.* Зороастризм: формирование религиозного сознания // Фундаментальные исследования. 2014. № 9. Ч. 5. С. 1140–1143.

10. *Шарикова Л.А.* Концептуальные смыслы изоморфного образа-символа волка в германском мифомире // Вестник КемГУ. 2012. №4(52). Т. 4. С. 215–220.

11. *Чибиров А.Л., Санаков И.Б.* Аланский код Европы (по следам Б. Бахраха) // Вестник ВНЦ. 2016. Т. 16. № 4. С. 2–7.

12. Кузнецов В.А. Ясы и куны Венгрии. Владикавказ: Проект-Пресс, 2015. 96 с.

US-BIRÆG AND THE WITCH HUNT, OR WHAT IS COMMON BETWEEN THE OSSETIAN LEGEND AND THE PHENOMENON OF THE EUROPEAN RENAISSANCE.

Legoeva, Ruslana R. – student, history department, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0009-0000-9359-9160>; legruslana@gmail.com

Keywords: *us-biræg, witch hunt, “Hammer of the Witches”, Renaissance, Alans.*

The article is devoted to the study of Ossetian folklore about us-biræg (witches associated with she-wolves) and its connection with witch hunts as a phenomenon of the European Renaissance. The reasons for the emergence and development of the phenomenon of “witch hunts” are analysed through medieval historical sources, processes and psychology. The phenomenon of auto-da-fé is examined through medieval literature and the Bible, as well as cases of the use of similar methods of execution before the inquisition processes. Based on the case of burning of us-biræg in the territory of North and South Ossetia, first recorded by D.V. Sokayeva, our own field research was carried out and a new case of the murder of a female wolf was identified in the village Cora-Ursdon using a firearm. The image of the wolf in various religious traditions (Zoroastrianism, Christianity, Scandinavian paganism) was analysed, and it was suggested that Alan culture was synthesized in the course of historical interaction with representatives of these religions in different regions of Europe. Suggestions have been made about a Zoroastrian trace in the plot of the legend about a girl-sorceress (recorded by J. Shanaev in 1869), who was tried to be burned using thorns. During the study, it turns out that the Alans became acquainted with the image of the wolf, which existed in the culture of the Germanic tribes, during the era of the Great Migration of Peoples. The idea is introduced into scientific circulation that the Alans learned about the Inquisition through the Yases, who lived in Hungary during the reign of the Habsburgs, which saw a high level of activity in anti-witchcraft processes. The undertaken research helps to reveal new aspects of the interaction of Alans with Western European culture.

For citation: *Legoeva, R.R. Us-biræg and the Witch Hunt, or what is Common Between the Ossetian Legend and the Phenomenon of the European Renaissance. KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 18(25). pp. 66-77. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.004*

REFERENCES

1. Gurevich, A.Ya. *Srednevekov'e kak tip kul'tury* [The Middle Ages as a Type of Culture]. *Antropologiya kul'tury* [Anthropology of Culture]. Iss. 1. Moscow, OGI, 2002, pp. 39–55.

2. Shprenger, Ya., Institoris, G. *Molot ved'm* [The Hammer of Witches]. Moscow, Prosvet, 1992. 384 p.
3. Mishle, Zh. *Ved'ma* [The Witch]. Friche, V. (ed.). Translated from French. Kiev, Ukraïna, 1994. 271 p.
4. Myushemble, R. *Ocherki po istorii d'yavola: XII–XX vv.* [Essays on the History of the Devil: 12th–20th Centuries]. Translated from French by E.V. Morozova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 584 p.
5. Sokaeva, D.V. *Obraz zhenshchiny-volchitsy (us-biræg") osetinskoï neskazochnoi prozy v kontekste fol'klora indoevropeskikh narodov* [The Image of the Wolf Woman (us-birægъ) in Ossetian Non-Fairy-Tale Prose in the Context of the Folklore of Indo-European Peoples]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2007, iss. 1(40), pp. 201–222.
6. Tuallagov, A.A. *Mech i fandyr (Arturiana i Nartovskii epos osetin)* [Sword and Fandyr (Arturiana and the Nart Epic of the Ossetians)]. Vladikavkaz, Ir, 2011. 271 p.
7. *Avesta* [Avesta]. Adapted translation, research and commentary by E.V. Rtveladze, A.Kh. Saidova, E.V. Abdullaeva. St. Petersburg, Polytechnic University, 2008. 303 p.
8. Mitchel, P. Roth. *Crime and Punishment: A History of the Criminal Justice System*. 2nd edition. Belmont, Wadsworth Publishing, 448 p.
9. Mamedov, A.A., Orishev, A.B., Shipovskaya, L.P. *Zoroastrizm: formirovanie religioznogo soznaniya* [Zoroastrianism: Formation of Religious Consciousness]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. 2014, no. 9, part 5, pp. 1140–1143.
10. Sharikova, L.A. *Kontseptual'nye smysly izomorfnoĝo obraza-simvola volka v germanskom mifomire* [Conceptual Meanings of the Isomorphic Image-Symbol of the Wolf in the Germanic Mythoworld]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2012, no. 4(52), vol. 4, pp. 215–220.
11. Chibirov, A.L., Sanakoev, I.B. *Alanskii kod Evropy (po sledam B. Bakhrakha)* [Alanian Code of Europe (in the Footsteps of B. Bakhrakh)]. *Vestnik VNTs* [Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre]. 2016, vol. 16, no. 4, pp. 2–7.
12. Kuznetsov, V.A. *Yasy i kuny Vengrii* [Yasses and Kuns of Hungary]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2015. 96 p.